

«Бить по глазам»: образ жестоко наказанной лошади и распространение этого мотива в русской беллетристике и публицистике XIX–XXI веков

Коршунков Владимир Анатольевич

кандидат исторических наук, доцент, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. E-mail: vla_kor@mail.ru

Аннотация. В отношениях человека с лошастью в России долгое время господствовал прагматизм. Люди ценили лошадей, но только как средство производства. В этой статье изучается образ лошади в русской литературе и публицистике, а конкретно исследуется литературный мотив жестоко избиваемой лошади. Мотив – это минимальная сюжетная единица нарратива. Литературные мотивы исследованы не слишком хорошо. Эта тематика близка к зооантропологии – новому в мировой гуманитарной науке комплексному направлению, изучающему взаимосвязи и взаимоотношения людей и животных.

Н. А. Некрасов в стихотворном цикле «О погоде» нашел особенный способ выразить несчастную участь лошади, упомянув, что ее жестоко наказывают, а именно бьют «по глазам» («кротким глазам»). В русской литературе и публицистике XIX в. образ тяжело работающей и несправедливо избиваемой лошади – это еще и метафора, указывающая на простолюдина-труженика. Вскоре после Некрасова о том же и почти теми же словами написал Н. В. Успенский, но это не было замечено: популярность Успенского сильно уступала некрасовской. Затем сцена избиваемой «по глазам» лошади появилась в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Восходящий к Некрасову и подхваченный Достоевским литературный мотив впечатлил публику и оказался востребован русскими литераторами более позднего времени. Сейчас авторы и читатели воспринимают выражение «бить (хлестать) по глазам» как отсылку скорее к Достоевскому, чем к Некрасову. В последние десятилетия Достоевский среди русских писателей-классиков стал вровень с А. С. Пушкиным и Л. Н. Толстым, а интерес к Некрасову снизился. Встречающееся в русской литературе и публицистике выражение «бить (хлестать) по глазам» указывает на происхождение и распространение этого литературного мотива.

Ключевые слова: русская литература и публицистика, Н. А. Некрасов, Ф. М. Достоевский, лошадь, литературный мотив, зооантропология, повседневная жизнь.

В России лошадь всегда воспринималась как рабочее, угнетенное, замученное животное. В отношениях человека с лошастью в нашей стране долгое время господствовал прагматизм, который сейчас кажется бездушным и жестоким. Лошадь ценили, однако только как скотину рабочую – средство производства. Потому о ней заботились (так нынешние хозяева берегут собственные недешевые автомобили), но при этом всю эксплуатировали – до тех пор, пока живое орудие труда становилось непригодным к тяжелой повседневной работе. Именно орудие труда: простой народ не воспринимал лошадь как существо умное, привлекательное и достойное дружбы.

Для сравнения: в античном мире поля обычно вспахивали на быках и волах, а лошади нужны были для быстрого передвижения верхом, для охоты, спорта, войны. Они высоко ценились, стоили дорого, их приобретали честолюбивые и богатые аристократы. Недаром множество имен, образованных от древнегреческого слова (h)ippos (конь), считались звучными и аристократическими: Гиппий, Гиппарх, Гиппократ, Гиппоник, Филипп, Аристипп, Хрисипп и тому подобное. Корни, с которыми сочеталось в этих звонких именах существительное (h)ippos, выразительны: arkhe и kratos – власть, nike – победа, fileo – люблю, aristos – наилучший, chrysos – золото¹. А у нас лошадь служила тягловой силой: ее держали ради пахоты и перевозки тяжестей (еще навоз использовали для удобрения полей). Поэтому лошадей в хозяйстве заводили крестьяне. С простым трудягой сравнивали лошадь и российские литераторы.

В этой статье исследуется образ лошади в русской литературе и публицистике. Среди литературоведов, специалистов по XIX в., такой темы касалась, к примеру, И. Б. Павлова, подготовившая докторскую диссертацию о М. Е. Салтыкове-Щедрине. В ее работах отмечены некоторые варианты представления лошади как страдающего существа в литературных

текстах видных русских писателей той эпохи [19; 20]. О взаимосвязи изображения замученной, избиваемой лошади у Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского упоминал изучавший Некрасова Н. Н. Скатов [23, с. 14–16].

Однако можно обратить внимание и на совершенно определенный литературный мотив в связи с жестоко наказанной лошадью: «бить (хлестать) по глазам». Этот мотив действительно появился в середине XIX в. и сразу оказался замеченным и читателями, и многими литераторами. Он прослеживается в художественной литературе и публицистике вплоть до нашего времени.

Мотив – это любой копирующийся элемент текста. Нередко это также минимальная сюжетная единица нарратива. Мотив обладает определенным признаком (или несколькими признаками), а именно: такой деталью (иногда – деталями), которая позволяла бы точно проследить взаимосвязь текстов, созданных в разное время разными авторами. Мотивы фольклорных и мифологических повествований давно и плодотворно изучаются, в том числе в России. Существуют и активно используются специалистами разнообразные и многочисленные указатели и базы данных фольклорно-мифологических сюжетов и мотивов².

Литературные мотивы исследованы не столь хорошо. Разумеется, эта тематика присутствует во множестве статей и монографий. Дело за тем, чтобы собрать разрозненные наблюдения и дополнить их. В Новосибирске издано несколько выпусков экспериментального словаря-указателя сюжетов и мотивов русской литературы. Это выпуски тематические, и в них содержится ограниченное количество обзорных статей. Каждая такая статья, по сути, самостоятельное авторское исследование [22]. Этим словник экспериментального словаря-указателя отличается от перечней мотивов в фольклорно-мифологических указателях и базах данных. Имеющийся словарь-указатель весьма не полон. Иначе выстроен тоже, по сути, экспериментальный словарь-указатель сюжетов русской нарративной литературы XVII–XVIII вв., созданный польской исследовательницей Элизой Малек. В небольшой по объему книге отмечен 161 сюжет [29]. Однако этот ценный указатель охватывает лишь доклассическую русскую литературу, да и то лишь часть ее. Получается, что отечественные литературоведы пока способны проследить не слишком много мотивов и сюжетов.

Исследование литературного мотива избиваемой лошади близко к тематике зооантропологии – сравнительно нового в мировой гуманитарной науке комплексного направления, изучающего взаимосвязи и взаимоотношения людей и животных (по-английски это направление может также именоваться *animal studies*)³. За границей уже вышло немало монографий и популярных книг, издаются специализированные журналы («*Anthrozoös: a Multidisciplinary Journal of the Interactions of People and Animals*», «*Society and Animals*» и другие). В России такое научное направление только зарождается. В частности, на отношение к лошадям в России XIX в. обращалось внимание в статьях специалистки по исторической зооантропологии А. А. Локтевой [11; 12, с. 106–108; 13].

Среди прочих зооантропологических аспектов можно отметить литературоведческие, когда изучается то, как особенности отношения к животным отражены в беллетристике. Уже двумя изданиями выходила монография польской исследовательницы Юстины Тыменецкой-Суханек о тех проблемах русской литературы, которые названы ею «экофилософскими», но вообще-то являются зооантропологическими. В ее книге прослеживаются особенности изображения животных в русской литературе, начиная со второй половины XIX в. и далее [30]. А в Силезском университете г. Катовицы, где работает Тыменецкая-Суханек, печатается научный журнал, единственный в своем роде, который специализируется на исследованиях по филологическим аспектам зооантропологической тематики «*Zoophilologica: Polish Journal of Animal Studies*» [31].

² Подборка важнейших для российских исследователей фольклорных и мифологических указателей находится на сайте Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета [24]. Среди прочих заметно выделяется необозримо большая и очень полезная база данных мифологических (и близких к ним фольклорных, а также некоторых литературных) мотивов, которая много лет собирается и пополняется петербургскими антропологами Ю. Е. Березкиным и Е. Н. Дувакиным [1].

³ Обычно его и по-английски, и по-русски называют антрозоологией (*anthrozoology*), хотя правильнее было бы оставлять полную, не усеченную основу греческого «антропос» и, следовательно, использовать термин «антропозоология» (*anthropozoology*), который, к сожалению, используется редко. Или уж тогда следует говорить и писать: «зооантропология».

Для этой темы важен образ крестьянской лошаденки у М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он выразительно обрисован в сказке «Коняга» (1885): «Нет конца работе! Работой исчерпывается весь смысл его существования; для нее он зачат и рожден, и вне ее он не только никому не нужен, но, как говорят расчетливые хозяева, представляет ущерб. <...> Бьют его чем ни попадя, а он живет; кормят его соломою, а он живет!» [21, с. 147–148]. Да, это иносказательное описание мужика-трудяги, но и без реальных черт конского житья не обошлось.

Однако вехой в разработке этой темы стал написанный до сказки Салтыкова-Щедрина стихотворный цикл Н. А. Некрасова «О погоде: уличные впечатления» (1859). Там упомянуто «Понуканье измученных кляч, // Чуть живых, окровавленных, грязных...» [17, с. 176]. В другом месте – показательная строчка: «Злость-тоску мужички на лошадаках сорвут...» [17, с. 174]. И главное – в том же цикле, в эпизоде «До сумерек», есть запоминающаяся сцена избияния лошади: «Под жестокой рукой человека // Чуть жива, безобразно тоща, // Надрывается лошадь-калека, // Непосильную ношу таща». Погонщик, отбросив кнут, схватил полено «и уж бил ее, бил ее, бил!» – «Лошадь только вздыхала глубоко // И глядела... (так люди глядят, // Покоряясь неправым нападкам)». Тот лупцевал ее и по спине, и по бокам, «и по плачущим, кротким глазам» [17, с. 169–170].

Бить кнутом или даже поленом прямо по глазам – плачущим, кротким – такое сразу врезалось в память и душу чувствительного интеллигентного читателя. «По глазам», вместо более подходящих, казалось бы, выражений: «по лицу» («по морде»), «в лоб», «в нос», – но и так иногда тоже говорят (ср. просторечное «дать в глаз»). В повести А. В. Дружинина «Рассказ Алексея Дмитрича» (1848) офицер вспоминал, как во время боя, вынося раненого товарища, он бежал через лес: «Каким образом пробирался я между густо сросшимися деревьями, как я не расшиб себе тысячу раз головы о сучья, толщиною с строевое дерево, это один бог только знает. Ветки больно хлестали меня по глазам...» [6, с. 101]. При упоминании о битье «по глазам» и прежде, до Некрасова, проявлялась социальная критика. В финале пьесы А. Н. Островского «Не сошлись характерами» (1858) сказано, как надменный барич лупил встречаемых мужиков «по глазам». Этот тип выговаривал матери за то, что она его, дескать, дурно воспитывала: «Вы любовались, когда мы с моим развратным гувернером, вашим любимцем, скакали по нашим наследственным полям и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги. Вам весело было!» [18, с. 162]. Тут не лошадей, а мужиков на лошадях – хлыстами «по глазам».

В общем, если сказано «в глаз» или «по глазам», то это некоторая неточность (все же вернее было бы – «по лицу»), но зато образней и ярче. Некрасов тем самым усилил возможность выразить отношение к жертве.

Вскоре после Некрасова писатель-народник Николай Успенский опубликовал рассказ о покупке лошади. Там есть фраза: «...Она спотыкалась и падала в оглоблях, и за это ее стегали по голове и по глазам...» [26, с. 5]. Казалось бы, зачем уточнение «по глазам», если говорится: «по голове»? А это осознанная или подсознательная отсылка к тем самым стихам Некрасова. Они Успенскому запомнились.

Литературовед Н. Н. Скатов в книге о Некрасове верно заметил: «...Об избиинии лошади человеком Некрасов единственный написал так, что картина стала несмываемым знаком-клеймом нашей жизни и нашей литературы». Он уточнял: «...Из страшного морока, казалось бы, всего лишь уличной некрасовской сцены долго не выпутается русская литература. Наваждение-сон Раскольникова в “Преступлении и наказании” у Достоевского – это несколько страниц прозы, расцветившей, раскрасившей и, так сказать, расцарапавшей до крови несколько строк некрасовского стихотворения». По словам Скатова, «русская литература точно засвидетельствовала, какой силы сгусток страдания заключила одна лишь уличная сцена в поэзии Некрасова» [23, с. 14–16]. Он далее указывал на стихотворение Владимира Маяковского «Хорошее отношение к лошадям» (1918). Однако примеров некрасовского влияния на литературно-публицистическое «отношение к лошадям» в России куда больше.

Но прежде – об известном эпизоде в «Преступлении и наказании» (1866) Ф. М. Достоевского, при изложении сна Раскольникова, где тому грезится-припоминается виденное в детстве.

У кабака – впряженная в телегу «маленькая, тощая, саврасая крестьянская клячонка, одна из тех, которые – он часто это видел – надрываются иной раз с высоким каким-нибудь возом дров или сена, особенно коли воз застрянет в грязи или в колее, и при этом их так больно, так больно бьют всегда мужики кнутами, иной раз даже по самой морде и по глазам...». В телегу заваливается подвыпившая компания, и разгорячившийся хозяин «берет в

руки кнут, с наслаждением готовясь сечь савраску». А та только и может еле-еле сдвинуть такую тяжесть. Тогда разъяренные мужики избивают ее смертным боем. На укоризны кого-то из толпы хозяин орет: «Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю. Садись еще! Все садись! Хочу, чтобы беспрерывно вскачь пошла!» И подзуживает прочих: «По морде ее, по глазам хлещи, по глазам!» Сам Раскольников, ребенок, не может вытерпеть этого зрелища: «...Он бежит подле лошади, он забегает вперед, он видит, как ее секут по глазам, по самым глазам! Он плачет». В том кошмарном сне хозяин с подросшими парнями приканчивал лошадь-страдалицу железным ломом, а вмиг пробудившийся от ужасного видения Раскольников живо представил, каково будет убивать старуху [3, с. 46–50]. В этом отрывке несколько раз подряд выведено: «по глазам».

У Достоевского и в «Дневнике писателя» за январь 1876 г., где он оценивал деятельность Общества покровительства животным, имеется отсылка к тем некрасовским стихам (а заодно к «Преступлению и наказанию», потому что и это тоже – глазами ребенка): «Наши дети воспитываются и возрастают, встречая отвратительные картины. Они видят, как мужик, наложив непомерно воз, сечет свою завязшую в грязи клячу, его кормилицу, кнутом по глазам...» [5, с. 26].

В другом романе Достоевского «Братья Карамазовы», который писался в 1878–1880 гг., Иван Карамазов, рассуждая о насилии, пересказывал Некрасова: «У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение истязанием битья. У Некрасова есть стихи о том, как мужик сечет лошадь кнутом по глазам, “по кротким глазам”. Этого кто же не видал, это руизм. <...> У Некрасова это ужасно» [4, с. 219].

Так что воздействие на Достоевского описанного Некрасовым избияния лошади «по глазам» несомненно⁴.

Спустя много лет вятский журналист из народолюбивой, левой газеты в статье, посвященной юбилею освобождения крестьян в России, писал, вспоминая тяготы крепостного времени:

«Но разве не случается вам теперь сплошь и рядом видеть мужика, который нещадно бьет по глазам и под паха свою изнуренную клячу, а когда вы наброситесь на него, то он на вас же огрызнется:

– А тебе что. Не твоя скотина, а моя; захочу – убью. Спрашиваться тебя не стану.

И действительно мужик может уморить свою скотину голодом, может связать и с живой начать драть кожу, – и не ему, ни его соседям это не будет казаться ни ужасом, ни зверством» [2].

Запомнившееся выражение «бить по глазам» прямо заимствовано вятским автором у Некрасова и Достоевского: оно тревожило, а социальный пафос подводил к выводу, будто мужицкие зверства – тяжкое наследие прежнего режима.

В романе А. С. Неверова «Гуси-лебеди» (1923) – опять-таки это выражение: «Корытин бил лошадь кнутовищем по глазам. Лошадь, вырываясь, прыгала, мотала головой, и Корытин, замахиваясь, прыгал, мотал головой» [16].

Писатель Ефим Зозуля в выпущенной в 1936 г. книжке «Моя Москва» предъявлял советским читателям такое: «Осенним вечером в шестнадцатом году около Страстной площади (теперь Пушкинская) поскользнулась на влажном асфальте и упала лошадь. (Этот участок Тверской, очень незначительный, был асфальтирован давно.) Лошадь упала на бок, сразу, поскользнувшись передними и задними ногами. Было около одиннадцати часов вечера – самый разгар проституционной биржи. С тротуара раздались свист, хохот, улюлюканье. На улице было полутемно. Запахло чем-то жутким, погромным. Со всех сторон неслась матерная брань. Лошадь поднимали. На тротуаре продолжались выкрики, смех, свист. Это было безмерно отвратительно. Это кричала, свистела и улюлюкала старая Москва» [8, с. 104–105]. Картинка создана, по-видимому, с ориентацией на известное стихотворение «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского, считавшегося классиком социалистической литературы.

У Зозули, как и у предреволюционного вятского журналиста, случай с лошадью иллюстрирует мрачные нравы старого режима. А в более раннем его рассказе, напечатанном в 1925 г., речь шла о голодном времени, когда при одном из наркоматов жила лошадь по кличке

⁴ Кроме Н. Н. Скатова, об этом упоминала И. Б. Павлова [19, с. 14]. Н. А. Макурина тоже считала сцену битья лошади «хрестоматийным примером обращения Достоевского к творчеству Некрасова» [14, с. 96]. Макурина обращала внимание, что Иван в «Братьях Карамазовых», пересказывая близко к тексту стихотворение Некрасова, не повторял за поэтом, будто глаза у лошади «кроткие». По ее мнению, это оттого, что для Достоевского такой эпитет был слишком значимым, характеризовавшим героиню его прозы. В конце концов, эпитет стал у него названием рассказа («Кроткая», 1876) [14, с. 97–98].

Лимонада, служившая для деловых выездов. Однажды изможденную Лимонаду запрягли, но она от бескормицы не могла сдвинуться с места. Тогда возчик начал остервенело избивать ее палкой: «не бить – рубить, как мясник, тяжело дыша...» Однако у советского автора это не стало символом эпохи – наступившей коммунистической. Да и возчик оказался не таким уж звероподобным. «Я отнял у него палку, причем не мог не заметить, что Кузьма охотно выпустил палку из своих рук. Похоже было, что он бьет Лимонаду по обязанности, но знает, что есть другой способ заставить ее двигаться» [7, с. 138]. Конечно, есть способ: надо ее покорить. Разумный рассказчик так и сделал.

Писатель-фронтовик Виктор Астафьев в 1994 г., беседуя с журналистом, указывал на происшествие с избитой лошадей и толковал о терпении народном: «А грех ли – наше долго-терпение? Грех – в том смысле, что обязательно это всегда плохо в России заканчивается, уж такой кровью... Видел однажды: колхозная лошадь – спина, шея сбиты, одна подкова на четырех ноги, и еще какой-то придурок начал ее... лупцевать. Через 15 минут, брыкая тощим задом, она разнесла все в щепки, только он живой, слава богу, остался, и потом еще бежала куда-то с рваной шлеей – она ж колхозная, расплзлась, с одной оглоблей и хомутом; умчалась, докуда сил хватило, в поле... и там упала. Вот этого боюсь, что, как колхозная лошадь, страна разнесется, всю сбрую, все хозяйство – в щепки. И будут же бить кого попало!» [25].

В повести Евгения Федорова «Былое и думы» (1992) – тоже об избии лошади. Кнутом по морде, со всей силы: «И, наконец, уловив, привязал к столбу, пошел остервенело, во всю богатырскую силенку кнутищем жарить. Да все по морде! Заядло, бешено, безобразно, неумолимо. Эх, раззудись, плечо! Эх, развернись, рука! Отвел душу». Завершил автор в стиле Зоценко: «Как, значит, пакостно в селах наших бессловесную тварь лупцуют» [27, с. 182].

Все те же слова о битье «по глазам» выдают исходный образец в отрывке из прозы Михаила Кураева: «Как отчаявшийся возница бранит последними словами выбившуюся из сил клячу, хлещет, уже не веруя в пользу кнута, и по спине, и по шее, и по глазам, так и Татьяна Петровна бранью и затрещинами понуждала единственного своего помощника разделить ее непомерный и неизбежный труд» [10, с. 85].

Писатель Асар Эппель, вспоминая повседневную жизнь середины XX в. на московской окраине, среди «травяных улиц», в рассказе «Чернила неслучившегося детства» обращал внимание на почти безвыходную ситуацию, когда лошадь, поскользнувшись зимою на утрамбованной ледяной дороге, падает и никак не может подняться. В этом случае бывает так: «Ну дядек ее колошматил! И дрыной, и под живот! Чтоб встала». И в ответ на эту мальчишескую реплику – замечание повзрослевшего героя: «Знаю. Видел. Читал. Неоднократно описано». Эппель тут ссылался на «Преступление и наказание»: «А в белое декабрьское небо глядит конев глаз, и для пущей убедительности “глаз” этот заимствован автором у самого Достоевского» [28, с. 25, 29].

У еще одного современного писателя Бориса Минаева в первой части книги «Мягкая ткань» – все то же избие лошади: «Он бил ее по спине, но так, чтобы не сломать хребет. Бил по зубам. Лошадь хрипела, пыталась встать на дыбы, но не получалось. Она вновь падала на передние ноги и вновь получала страшный удар. Лошадь выплевывала кровь, ее налившийся болью взгляд метался от ужаса, на потной морде проступали какие-то пятна» [15, с. 127]. У Минаева описание с оглядкой на Достоевского: «налившийся болью взгляд». И само происшествие показано через восприятие молоденькой кухаркой Сашенькой. Страх, ею тогда испытанный, она не могла забыть всю свою жизнь. А у Достоевского страшная казнь лошади увидена сперва Раскольниковым ребенком, а потом юношей (пусть и во сне).

Итак, Некрасов нашел особенный способ выразить словесно несчастную участь измученной лошади, упомянув, что ее бьют «по глазам». В тодальной русской литературе и публицистике образ надрывающегося на тяжелой работе «коняги» – это к тому же метафора простого человека-труженика (мужика, бурлака, полунищего фабричного или ремесленника). Вскоре после исходного стихотворения Некрасова о том же и почти теми же словами написал Николай Успенский. Но это замечено не было: популярность Успенского заметно уступала некрасовской. Затем избиваемая «по глазам» савраска оказалась в романе Достоевского. Восходящая к Некрасову и подхваченная Достоевским жуткая сцена впечатлила публику и оказалась востребована позднейшими русскими литераторами. Судя по всему, в наше время авторы и читатели воспринимают выражение «бить (хлестать) по глазам» как отсылку не столько к Некрасову, сколько к «Преступлению и наказанию» Достоевского. Этот роман «проходили» в позднесоветской школе, «проходят» сейчас, и он стал восприниматься как главный текст великого писателя, более значимый, чем даже «Братья Карамазовы» и «Бесы». В последние

десятилетия Достоевский среди русских классиков стал вровень с Пушкиным и Толстым, а вот интерес к Некрасову снизился.

Когда современные российские литераторы описывают жестоко наказанную лошадь, они продолжают давнюю традицию, восходящую к Некрасову и Достоевскому. Для кого-то это подходящая метафора – например, долготерпения народного. А кое-кто из них при этом не скрывает, что ориентируется на известную сцену в романе Достоевского.

Само же выражение «бить (хлестать) по глазам», которое встречается у авторов XIX–XXI вв., – своего рода меченый атом, оно с очевидностью указывает на происхождение и распространение этого литературного мотива, вплоть до современности.

Список литературы

1. Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам : аналитический каталог. URL: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. Глазоль С. Крепостное время // Вятская речь. 1911. № 39. С. 3.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 6. 422 с.
4. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 14. 511 с.
5. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1981. Т. 22. 407 с.
6. Дружинин А. В. Повести. Дневник. М. : Наука, 1986. 511 с.
7. Зозуля Е. Д. Лимонада // Советский русский рассказ 20-х годов / сост., общ. ред. Е. Б. Скороспеловой. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 136–146.
8. Зозуля Е. Моя Москва: Тверская улица глазами одного человека // Русская жизнь. 2008. № 20 (37). С. 104–109.
9. Коршунков В. А. Греколатиника: классика в отражениях. Изд. 2-е, перераб. М. : Неолит, 2022. 536 с.
10. Кураев М. Блок-ада: праздничная повесть // Знамя. 1994. № 7. С. 74–112.
11. Локтева А. А. Животные и человек: особенности взаимодействия в российской культуре XIX в. // Corpus mundi. 2022. № 2. С. 100–119. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf. DOI: 10.46539/cmj.v3i2.73 (дата обращения: 17.01.2023).
12. Локтева А. А. Зооантропная столица: люди и животные в «Москве и москвичах» В. А. Гиляровского // Этнографическое обозрение. 2021. № 1. С. 42–54. DOI: 10.31857/S086954150013593-2.
13. Локтева А. А. Лошади в городской социокультурной среде Москвы и Санкт-Петербурга (середина XIX – начало XX в.) // Проблемы экологической истории / истории окружающей среды : сб. ст. Вып. 2 / сост. и отв. ред. В. И. Дурновцев. М. : РГГУ, 2020. С. 327–336.
14. Макурина Н. А. Н. А. Некрасов и Ф. М. Достоевский как выходцы из кружка В. Г. Белинского: общность тем и образов // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3 : Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 1. С. 88–100.
15. Минаев Б. Мягкая ткань. Кн. 1. Батист. М. : Время, 2015. 352 с.
16. Неверов А. С. Гуси-лебеди : роман. URL: http://az.lib.ru/n/newerow_a_s/text_0120.shtml (дата обращения: 05.02.2023).
17. Некрасов Н. А. Полн. собр. стихотворений : в 3 т. Л. : Сов. писатель, 1967. Т. 2. 702 с.
18. Островский А. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 18 т. Т. 2. Кострома : Костромаиздат, 2020. 832 с.
19. Павлова И. Б. «Русская лошадь знает кнут...»: об одном «страдательном» образе у М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского // Русская речь. 2011. № 3. С. 12–15.
20. Павлова И. Тема страдания твари и ее репрезентация у Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского и Н. А. Некрасова // Русская словесность. 2018. № 6. С. 52–56.
21. Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки. Л. : Наука, 1988. 279 с.
22. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы : экспериментальное издание / под ред. Е. К. Ромодановской. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2003–2018. Вып. 1–4.
23. Скатов Н. Н. Некрасов [Изд. 2-е, испр.]. М. : Мол. гвардия, 2004. 426 с.
24. Сюжетно-мотивные указатели и базы данных. URL: <https://ctsrf.ru/ukazateli> (дата обращения: 21.01.2023).
25. Тарасов А. Виктор Астафьев: «Мы не на земле живем – на мешке с костями» // Новая газета. 2014. № 47. С. 20–21.
26. Успенский Н. В. Лошадь // Отечественные записки. 1863. Т. 146. Январь. [Отд. 1]. С. 2–8.
27. Федоров Е. Б. Жареный петух : сборник. М. : Carte Blanche, 1992. 256 с.
28. Энпель А. Дробленый Сатана. СПб. : Симпозиум, 2002. 463 с.
29. Małek E. Русская нарративная литература XVII–XVIII веков: опыт указателя сюжетов. Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1996. XIX, 179 s.
30. Tymieniecka-Suchanek J. Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych. Wyd. 2, poprawione i uzupełnione. Katowice : Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2020. 381 s.
31. Zoophilologica : Polish Journal of Animal Studies. URL: <https://journals.us.edu.pl/index.php/ZOO-PHILOLOGICA> (дата обращения: 21.01.2023).

"To lash on the eyes": the image of a cruelly punished horse and the spread of this motif in Russian fiction and journalism in the 19th–21st centuries

Korshunkov Vladimir Anatol'evich

PhD in Historical Sciences, associate professor, Vyatka State University.
Russia, Kirov. E-mail: vla_kor@mail.ru

Abstract. Pragmatism was dominated the relationship between a man and a horse in Russia for a long time. People valued horses, but only as means of production. This paper explores the image of a horse in Russian fiction and journalism. A motif is the smallest plot unit of a narrative. Literary motifs have not been studied well. This topic is close to zooanthropology, a new complex research area in the humanities and science. It explores the relations between people and animals.

Nikolai Nekrasov in his poetic cycle "On the Weather" found a special way to express the unfortunate fate of a working horse by mention it was severely punished – beaten "on the eyes" ("on the meek eyes"). The image of a horse who works hard and unfairly lashed is also a metaphor indicating a low-class worker in Russian literature and journalism in the 19th century. Soon after Nekrasov, Nikolai Uspensky wrote about the same subject and in almost the same words, but that was not noticed by readers: Uspensky's popularity was much inferior to Nekrasov's one. Then the terrible picture of a horse which was lashed "on the eyes" appeared in Fyodor Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". Rising to Nekrasov and picked up by Dostoevsky, this literary motif impressed the public and turned out to be in demand by Russian writers in the later times. Authors and readers nowadays perceive the expression "to lashed (to whip) on the eyes" as a reference to Dostoevsky rather than to Nekrasov. In recent times, Dostoevsky has become on a par with Alexander Pushkin and Leo Tolstoy among Russian classical writers. Public interest in Nekrasov has declined. The expression "to lashed (to whip) on the eyes" (or its variations) found in Russian literature and journalism indicates the origin and distribution of this literary motif.

Keywords: Russian literature and journalism, Nikolai A. Nekrasov, Fyodor M. Dostoevsky, horse, literary motif, zooanthropology, daily life.

References

1. Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. *Tematicheskaya klassifikatsiya i raspredelenie fol'klorno-mifologicheskikh motivov po arealam: analiticheskij katalog* [World mythology and folklore: thematic classification and areal distribution of motifs: analytical catalogue]. Available at: <http://ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (date accessed: 20.01.2021).
2. *Glagol S. Krepostnoe vremya* [The serfdom era] // *Vyatskaya rech – Vyatka Speech*. 1911. No. 39. P. 3.
3. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1973. Vol. 6. 422 p.
4. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1981. Vol. 14. 511 p.
5. *Dostoevskij F. M. Poln. sobr. soch. : v 30 t.* [Complete collection of works : in 30 vols.]. L. Nauka (Science). 1981. Vol. 22. 407 p.
6. *Druzhinin A. V. Povesti. Dnevnik* [Stories. Diary]. M. Nauka (Science). 1986. 511 p.
7. *Zozulya E. D. Limonada* [Limonada] // *Sovetskij russkij rasskaz 20-kh godov – Soviet Russian story of the 20s* / ed. by E. B. Skorospelova. M. Moscow State University Publ. House. 1990. Pp. 136–146.
8. *Zozulya E. Moya Moskva: Tverskaya ulicza glazami odnogo cheloveka* [My Moscow: Tverskaya street through the eyes of a person] // *Russkaya zhizn – The Russian Life*. 2008. No. 20 (37). Pp. 104–109.
9. *Korshunkov V. A. Grekolinika: klassika v otrazheniyah* [Graecolatinica: the classics as reflected in Russian and Western culture]. 2nd ed., revised. M. Neolit. 2022. 536 p.
10. *Kuraev M. Blok-ada: prazdnichnaya povest* [Blok-ada: a holiday tale] // *Znamya – The Banner*. 1994. No. 7. Pp. 74–112.
11. *Lokteva A. A. Zhivotnye i chelovek: osobennosti vzaimodejstviya v rossijskoj kulture XIX v.* [Animals and humans: interactions in nineteenth-century Russian culture] // *Corpus mundi*. 2022. No. 2. Pp. 100–119. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49989708_24545571.pdf. DOI: 10.46539/cm.v3i2.73 (date accessed: 17.01.2023).
12. *Lokteva A. A. Zooantropnaia stolitsa: liudi i zhivotnye v "Moskve i moskvichakh" V. A. Giliarovskogo* [Anthrozootic capital: people and animals in "Moscow and Muscovites" by V. A. Gilyarovskiy] // *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2021. No. 1. Pp. 41–54. DOI: 10.31857/S086954150013593-2.
13. *Lokteva A. A. Loshadi v gorodskoj socziokulturnoj srede Moskvy i Sankt-Peterburga (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Horses in urban sociocultural environment of Moscow and Saint Petersburg (middle 19th century – early 20th century)] // *Problemy ekologicheskoy istorii / istorii okruzhayushhej sredy : sb. st. – Problems of*

ecological history / environmental history : a collection of papers. M. RGGU Publ. House. 2020. Is. 2 / ed. by V. I. Durnovtsev. Pp. 100–119.

14. Makurina N. A. N. A. Nekrasov i F. M. Dostoevskij kak vyhodcy iz kruzhka V. G. Belinskogo: obshchnost' tem i obrazov [N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky as the adherents of the V. G. Belinsky's circle: common themes and images] // *Vestnik Permskogo gos. gumanitarno-pedagogicheskogo un-ta. Ser. 3 : Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* – Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Ser. 3 : Humanities and Social Sciences. 2022. No. 1. Pp. 88–100.

15. Minaev B. *Myagkaya tkan* [Soft fabric]. M. Vremya (Time). 2015. Book 1 : Batiste. 352 p.

16. Neverov A. S. *Gusi-lebedi : roman* [Geese-swans : a novel]. Available at: http://az.lib.ru/n/newerow_a_s/text_0120.shtml (date accessed: 05.02.2023).

17. Nekrasov N. A. *Poln. sobr. stikhotvoreniy : v 3 t.* [Complete collection of poems : in 3 vols.]. L. : Sov. pisatel. 1967. Vol. 2. 702 p.

18. Ostrovskij A. N. *Poln. sobr. soch. i pisem : v 18 t.* [Complete collection of works and letters : in 18 vols.]. Kostroma : Kostromaizdat. 2020. Vol. 2. 832 p.

19. Pavlova I. B. "Russkaya loshad znaet knut...": ob odnom "stradatelnom" obraze u M. E. Saltykova-Shchedrina, N. A. Nekrasova i F. M. Dostoevskogo ["Russian horse knows a whip...": about a "passionate" image in M. E. Saltykov-Shchedrin, N. A. Nekrasov and F. M. Dostoevsky] // *Russkaya rech* – Russian Speech. 2011. No. 3. Pp. 12–15.

20. Pavlova I. Tema stradaniya tvari i ee reprezentaciya u L. N. Tolstogo, M. E. Saltykova-Shchedrina, F. M. Dostoevskogo i N. A. Nekrasova [The theme of creature's suffering and its representation in L. N. Tolstoy, M. E. Saltykov-Shchedrin, F. M. Dostoevsky, N. A. Nekrasov] // *Russkaya slovesnost'* – Russian literature. 2018. No. 6. Pp. 52–56.

21. Saltykov-Shchedrin M. E. *Skazki* [Tales]. L. Nauka (Science). 1988. 279 p.

22. Skatov N. N. *Nekrasov* [Nekrasov]. [2nd ed., corrected]. M. Molodaya guardia (Young Guard). 2004. 426 p.

23. *Slovar-ukazatel syuzhetov i motivov russkoj literatury : eksperimentalnoe izdanie* [Dictionary and index of plots and motifs of Russian literature : experimental edition] / ed. by E. K. Romodanovskaya. Novosibirsk. SB RAS Publ. House. 2003–2018. Is. 1–4.

24. Plot-motif indexes and databases. Available at: <https://ctsf.ru/ukazateli> (date accessed: 21.01.2023).

25. Tarasov A. Viktor Astafjev: "My ne na zemle zhivyom – na meshke s kostyami" [Viktor Astafjev: "We do not live on earth, but on a bag of bones"] // *Novaya gazeta* – The New Newspaper. 2014. No. 47. Pp. 20–21.

26. Uspenskij N. V. *Loshad* [Horse] // *Otechestvennye zapiski* – The Domestic Notes. 1863. Vol. 146. January. [Part 1]. Pp. 2–8.

27. Fedorov E. B. *Zharenyj petukh : sbornik* [Roasted rooster : a compilation]. M. Carte Blanche. 1992. 256 p.

28. Eppel A. *Droblenyj Satana* [Satan fragmented]. SPb. Simpozium. 2002. 463 p.

29. Małek E. *Russkaya narrativnaya literatura XVII–XVIII vekov: opyt ukazatelya syuzhetov* [Russian narrative literature of the 17th–18th centuries: experimental index of plots]. Łódź. Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego. 1996. XIX, 179 p.

30. Tymieniecka-Suchanek J. *Literatura rosyjska wobec upodmiotowienia zwierząt: w kręgu zagadnień ekofilozoficznych* [Russian literature and animals empowerment: in the circle of eco-philosophical issues]. 2nd ed., corrected and completed. Katowice. Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego. 2020. 381 p.

31. *Zoophilologica : Polish Journal of Animal Studies*. Available at: <https://journals.us.edu.pl/index.php/ZOOPHILOLOGICA> (date accessed: 21.01.2023).